

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 58-70
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.58

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Moral State of the Russian Army in 1812. From Border Battles to the Battle of Borodino

Ekaterina S. Kozlovskaya ^a, Alexey Yu. Ovcharenko ^a, Dmitry S. Sknarev ^a, Oleg Yu. Kazenkov ^{a, b, *}

^a Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Russian Federation

^b Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

The research examines the facts of surrender, desertion and unauthorized abandonment of the battlefield by Russian servicemen on the basis of materials on the fighting of the Patriotic War of 1812 for the period from border battles to the Battle of Borodino inclusive. The authors focus on individual plots of the Battle of Borodino. The paper proves that for the Russian military authorities of the early 19th century, surrenders were an uncomfortable topic, which is therefore poorly reflected in the sources, but the authors managed to find in the array of documentary evidence mentions of rare facts about Russian prisoners of war in the Great Army of Napoleon Bonaparte. Based on these testimonies, the authors conclude that much more than 3,000 Russian soldiers were captured during the specified period. The authors also conclude, based on the analysis of the events of the Battle of Borodino, that the organization and methodology of the battle of the Russian Army in 1812 were qualitatively different. They were inferior to the French side, the authors attribute this to the fact that the Russian Empire remained a semi-feudal state at that time. The authors show in their work that desertion was not a common phenomenon in Russian provinces, but at the same time they note the opportunistic behavior of many landlords during recruitment.

Keywords: Patriotic War of 1812, Battle of Borodino, Napoleonic France, prisoners of war.

1. Введение

Отечественная война 1812 года является феноменом, если рассматривать ее в качестве научного объекта. Мощнейшая в военном отношении держава, стоявшая уже на «рельсах» капиталистического развития, проиграла феодальной империи, которая до начала XIX в. воевала в основном с Османской Турцией. В отечественной литературе нет до сих пор однозначного мнения о причине победы России в этой войне, кроме патриотической версии, что русский народ проявил высокие моральные качества, по сравнению с лишенной идеологии армией завоевателей, состоявшей частично не из французов. Данное объяснение выглядит спорным. У армии Наполеона Бонапарта была идеология, базировавшаяся в основном на ценностях Великой буржуазной французской революции. К тому же около половины жителей Российской империи составляли не русские, и значительный процент ее населения получил российское подданство при Екатерине II, то есть достаточно поздно. Среди «новых» россиян имелось много поляков и литовцев, а также исповедовавших католицизм и униатство западных белорусов и украинцев.

Мы ставим целью настоящей работы рассмотреть некоторые негативные моральные аспекты состояния Русской армии в Отечественной войне 1812 года, к которым относятся дезертирство, сдачи в плен и самовольный уход с поля боя, дав им оценку на базе документов и свидетельств современников, а также научных работ, созданных уже после описываемых событий. Подчеркнем, что мы не относим

* Corresponding author

E-mail addresses: o.kazenkov@gmail.com (O.Yu. Kazenkov)

любой случай самовольного ухода с поля боя к проявлениям трусости. Одной из причин данного явления была политика: солдаты не хотели отдавать жизни и здоровье за тот или иной политический режим (политические причины могли быть разными, например, нелояльность католического и униатского населения Беларуси к Российской империи). Из цели вытекают следующие задачи: проследить факты сдачи российских военнослужащих в плен на фоне обстоятельств, при которых это произошло; рассмотреть вопросы дезертирства и самовольного оставления боевых позиций; выявить, существовал ли в российском обществе на то время протестный потенциал.

Гипотеза настоящей работы заключается в том, что в условиях позднего феодализма сознание российского общества не было столь высоко развито, как в буржуазных социумах, несмотря на распространение рыночных ценностей, когда индивид ориентируется в своих действиях, в первую очередь, на финансовый результат. Кроме того, организация Русской армии еще оставалась на уровне XVIII в., когда как вооруженные силы Французской республики быстро избавились от полуфеодалных пережитков королевского режима.

Хронологический период избран от пограничных боев с Великой армией до Бородинского сражения и времени немного после него, так как отступление Наполеона I из Москвы является несколько иной, особой по содержанию страницей истории Отечественной войны 1812 года.

2. Материалы и методы

Исторический анализ в работе основан на изучении опубликованных до 1917 г. документах российской и французской сторон, относящихся к Отечественной войне 1812 г. Особый интерес для нас представляет систематизированный обзор документов по Рязанской губернии в 1812 г., составленный И.И. Проходцовым и выпущенный к Столетию Юбилею Отечественной войны 1812 г., а также опубликованные до 1917 г. летописи полков (фактически это систематизированные документальные сведения, снабженные комментариями составителей). Высокую ценность представляет собой опубликованный к Юбилею Отечественной войны 1812 г. «Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года». Это содержательный документ, составленный на базе материалов еще дореволюционного военного архива в Лефортово, ныне это Российский государственный военно-исторический архив (Москва, Российская Федерация). То же самое касается другого особо ценного издания по истории Отечественной войны 1812 года, это «Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Отечественная война», вышедшая перед Столетним юбилеем в сборнике документов. Не менее интересным представляется нам «Календарь Наполеона», одно из изданий которого появилось в России в начале XX в. Это записки авторства самого Наполеона Бонапарта. Из сборников документов советского периода мы опираемся на актуальный до сих пор сборник под редакцией Р.Е. Альтшуллера, появившийся в 1962 г.

Надо отметить, что проблемы дезертирства, саботажа, сдачи в плен, самовольного ухода с поля боя редко отражались в работах современников тех событий. Сведения французских официальных лиц, руководивших Великой армией, включая Наполеона I, малочисленны на этот счет, и необходимо относиться к ним достаточно осторожно по вполне понятным причинам. Российские источники также страдают субъективизмом (известна история с противоречивым подсчетом потерь в Бородинском сражении).

В работе получили отражение общенаучные методы анализа и синтеза, а также метод экстраполяции. Мы анализируем события на базе свидетельств, отраженных в разных источниках, на предмет морального состояния Русской армии в интересующий нас исторический период. В фокусе внимания у нас при этом такие явления, как сдачи российских военнослужащих в плен, самовольный уход с поля боя и дезертирство. Разумеется, данные явления взаимосвязаны и вместе отражают общий моральный уровень армии. Мы рассматриваем эти явления во взаимосвязи и в контексте конкретных событий, фокусируя внимание на Бородинском сражении, в ходе которого наиболее полно отражено моральное состояние российских войск периода Отечественной войны 1812 г. В этом анализе нам важны также факторы, влиявшие на моральное состояние Русской армии, в первую очередь, это напряжение вооруженной борьбы. Информация по этому поводу наиболее полно представлена в материалах по Бородинскому сражению. Так как армия не существует вне общества и вне его политического развития, то мы затрагиваем проблему отношения крестьянского населения российских губерний к рекрутским наборам и к режиму Романовых в целом. В этой связи методы анализа и синтеза оказались плодотворными, так как мы получили достаточно полное научное представление по изучаемому нами предмету.

Дефицит сохранившихся статистических данных, особенно по фактам сдачи в плен российских военнослужащих, заставил нас обратиться к методу экстраполяции, когда мы взяли за основу количество собранных в Твери бежавших из французского плена русских солдат и офицеров для понимания масштабов сдачи в плен до сентября 1812 г. Это дало нам приблизительное представление о сдачах в плен русских солдат и офицеров в Отечественной войне 1812 г. до сдачи Москвы французам.

3. Обсуждение

Образ Отечественной войны 1812 года в российской историографии и научно-популярной литературе имеет вид небывалого до этого подъема народа против захватчиков в лице Великой армии Наполеона I. Проблемы страданий населения России, включая пагубное влияние на народ рекрутских наборов, и неоднозначного отношения к этой войне в российском обществе были затронуты уже в дореволюционной литературе, будучи достаточно широко обсуждаемы историками на Юбилей войны 1812 года в 1912 г. Однако в советской историографии эти вопросы отошли на второй план. Так, например, в актуальной до сих пор работе Л.Г. Бескровного (Бескровный, 1973) о дезертирстве, плене и самовольном уходе с поля боя нет ничего. Это связано с конъюнктурой в советской исторической науке после 1945 г., когда такие темы были «табуированы» даже применительно к изучению Российской империи. Исключение составили только темы крестьянских волнений и антиправительственных выступлений (Годин, 1963; Бабкин, 1969). Эта же традиция в российской исторической науке перешла в постсоветский период. В наиболее знаковых работах, посвященных Русской армии периода Наполеоновских войн (Троицкий, 2018; Земсков, 2018), эти вопросы почти не освещены. Даже в статье В.А. Корнилова про рекрутскую повинность в первой половине XIX в. вопрос дезертирства во время Отечественной войны 1812 г. не освещен (Корнилов, 2008).

4. Результаты

Дезертирство в Русской армии и кампания 1812 года

Дезертирство – сложный вопрос для изучения жизни Русской армии в начале XIX в., так как при Александре I оно еще не являлось уголовно преследуемым деянием. За неоднократные побеги из воинской части солдата могли максимум отправить служить в дальний гарнизон, например, в Сибирь. В тех условиях это было уже суровое наказание. Кроме того, дезертирство нередко принимало вид неявки на службу в силу возникших обстоятельств, например, неспособности долгое время найти свой полк после выписки из госпиталя. Регистрация и арест дезертиров, которых обычно называли мародерами, были достаточно затруднены в условиях образовавшейся во втором полугодии 1812 г. в тылах Русской армии неразберихи. Полиция за пределами Москвы и С-Петербурга часто была бессильна в борьбе с этим явлением в силу своей малочисленности.

Дезертирство в период Наполеоновских войн в России подразделялось на несколько основных видов: бегство рекрутов, самовольное оставление части без видимых внешних обстоятельств (классическое дезертирство принявшего присягу военнослужащего), бродяжничество в силу возникших особых обстоятельств (разгром воинской части в бою, неспособность быстро после выписки из госпиталя или командировки добраться до своей части, развал части в результате плохого снабжения). Были еще легальные методы организации помещиками уклонения от службы, которые нельзя считать дезертирством, но, с моральной точки зрения, они стоят достаточно близко к нему. Об этом – ниже.

Итак, дезертирство рекрутов. Это была сложная форма неявки на службу в период Наполеоновских войн, так как рекрутов конвоировали. Но, несмотря на это, побеги были нередкими. Объяснимо это непопулярностью службы среди многих россиян из-за высокой смертности. Как пишет В.А. Корнилов, «только единицы солдат могли выслужить полный 25-летний срок. По данным Инспекторского департамента Военного министерства, на 1820 год из 826,1 тыс. солдат 25-летний срок выслуживало не более 3,5 тыс., в кавалерии это составляло соотношение 1 на 380 человек, в пехоте – 1 на 210 человек, в артиллерии – 1 на 564 чел.» (Корнилов, 2008: 20). За период 1800–1809 гг. только летальные нестроевые потери в Русской армии составили 221 800 человек против 101 100 российских военнослужащих, погибших, взятых в плен и пропавших без вести (Корнилов, 2008: 20), или почти 36 тыс. чел. в год. Согласно подсчетам Жака Удайе, боевые потери Франции за период 1800–1815 гг. составили 439 тыс. человек (сюда вошли умершие в госпиталях), 706 тыс. французских военнослужащих выбыли по другим причинам, включая дезертирство (Houdaille, 1972). Позднее на базе его подсчетов была дана оценка летальных потерь Франции за 15 лет Наполеоновских войн как 900 тыс. – 1 млн военнослужащих, из которых половина пришлась на 1812–1814 гг. (Drevillon, 2013: 178-186), то есть в течение периода 1800–1815 гг. французская армия теряла в среднем по 75 тыс. человек. Русские потери в кампании составили примерно 230-250 тыс. чел.

В.А. Корнилов указывает, что в 1810 г. дезертировало 1 086 из 36 645 рекрутов, что немного менее 3 % от призванных (Корнилов, 2008: 21). Однако это был мирный год. В одном из документов указано, что множество призванных в связи с войной с Францией в западных губерниях скрывалось по деревням. Кроме того, из полков бежали литовские и белорусские рекруты еще до Смоленского сражения, их было приказано отыскивать, когда Русская армия преследовала осенью 1812 г. войска Наполеона I (Отечественная война 1812 года, 1912: 401).

Отношение к рекрутской повинности в коренных русских губерниях со стороны населения было более лояльным, нежели в присоединенных бывших землях Речи Посполитой. Так нам позволяет судить пример сюжета с 82-м рекрутским набором в Рязанской губернии (вторая половина весны 1812 г.), где из 2 905 призванных было «забраковано» 1 204 человека, но это были в основном лица с серьезными хроническими заболеваниями и физическими недостатками (Проходцов, 1913: 125). Однако среди этих рязанских рекрутов встречались случаи членовредительства, но крайне редкие.

Недобор оказался незначительным: по всей губернии 82 человека (Проходцов, 1913: 126). Сохранилась практика отдачи в рекруты явно негодных к службе (Проходцов, 1913: 137). Такое поведение помещиков и вело к тому, что нередко от 30 до 50 % рекрутов на службу не принималось, и в Рязанской губернии доля негодных к службе в 83-м наборе только возросла по сравнению с 82-м набором (Проходцов, 1913: 137).

Сложности с привлечением новых рекрутов в западных губерниях России сохранялись и после Бородинского сражения, касалось это уже коренных русских территорий. Так, например, витебский губернатор Лешерн сообщал генералу Витгенштейну 11 сентября 1812 г., что в Невельском, Велижском и Городецком уездах крестьяне под влиянием французской пропаганды (обещания отмены крепостного права) готовы были отбивать отданных в рекруты земляков по пути последних в Себеж (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 60). То есть у дезертирства, пусть и в такой форме, была в некоторых случаях и политическая сторона.

20 сентября 1812 г. Лешерн сообщил М.И. Кутузову, что Велижский, Городецкий, Серажский и Невельский уезды вышли из повиновения российской власти (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 120), в связи с чем этот губернатор не мог вывезти с данных территорий 600 рекрутов. Также он просил выделить ему кавалерийский контингент, чтобы это сделать, а также для предотвращения вывоза в Витебск заготовленного для французов продовольственного запаса, и это при том, что частей Великой армии в этих уездах не было (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 120).

Есть также сведения об открытом коллаборационизме, и не только в регионах, которые были населены преимущественно поляками и литовцами, но и в Могилевской губернии, где проживали и проживают в основном православные белорусы. Так, например, генерал-лейтенант граф Гудович, принявший командование Черниковским ополчением, докладывал М.И. Кутузову 18 сентября 1812 г., что вся Могилевская губерния присягнула Наполеону, и в этой губернии шел сбор рекрутов (видимо, для формирования временного литовского правительства в Вильно) из расчета 1 рекрут на 50 мужчин призывного возраста. В эти новые формирования включались, по данным, которыми располагал Гудович, также русские дезертиры и пленные поляки и белорусы, служившие до этого в Русской армии (Отечественная война 1812 года. Т. 18. 1911: 91). Разумеется, эта «мобилизация» в Могилевской губернии, как и во всей Беларуси (Nawrot, 2013), провалилась (во многом из-за ограниченных экономических возможностей сторонников Наполеона в восстановленном им Великом княжестве Литовском, а также ввиду негативного отношения православного населения Беларуси к оккупационным войскам Франции). В общей сложности в ВКЛ удалось мобилизовать или набрать на добровольной основе около 6 тыс. солдат и офицеров к декабрю 1812 г. (Кудряшов, 1992). Это были преимущественно литовцы и белорусы, исповедовавшие католицизм или униатство.

Вероятность крестьянских волнений в случае войны с Наполеоном высоко оценивал и сам император Александр I, поэтому незадолго до кампании 1812 г. он дал распоряжение разместить в каждой губернии по полубатальону (300 человек) для противодействия потенциальным бунтарям (Семевский, 1912: 78).

У Наполеона I не было конкретного плана политических преобразований на оккупированных российских территориях, кроме восстановления Великого княжества Литовского как уступки польским союзникам (они в управлении этим квазигосударством и доминировали).

20 декабря 1812 г. в Сенате Наполеон заявил, что ведет с Россией только политическую войну, но мог бы вооружить огромную армию русских крестьян, о чем французского императора, с его, правда, слов, просили во многих российских деревнях. Но Наполеон отказался от этой меры, потому что опасался, с его слов в Сенате, гибели многих семей российской знати (Семевский, 1912: 79). То есть, говоря словами А.С. Пушкина, Наполеон Бонапарт боялся русского бунта, бессмысленного и беспощадного.

Поздеев, известный консерватор и масон, писал министру просвещения графу Разумовскому во время вторжения французов в Россию, что «мужики наши ожидают какой-то вольности; это очаровательное слово кружит их» (Семевский, 1912: 79). Наполеон I был прав: политическое сознание русского крестьянства было еще достаточно архаичным. На это указывает пример протестного движения среди крестьян двух сел Гжатского уезда Смоленской губернии в июле 1812 г., когда несколько крепостных объявили о переходе в старообрядчество. Речь шла о секте, в которую многих крестьян заставляли вступать насильственно. Лидеры этих «новых старообрядцев» обещали освобождение от крепостной зависимости и «Царствие небесное» (Семевский, 1912: 81).

По данным полиции, протестный потенциал среди крестьянства и горожан с низкими доходами оставался высок к лету-осени 1812 г., и это могло определенным образом влиять на решения некоторых военнослужащих сдаваться, дезертировать и самовольно покидать поле боя.

После оставления Москвы в российских войсках стала падать дисциплина, это привело к распространению бродяжничества и мародерства, то есть к определенной форме дезертирства. Этот вопрос взял под контроль лично Александр I, в связи с чем командование армии в лице дежурного генерала Коновицина особо занялось этой проблемой. В Рязанской губернии специальные команды начали отлов мародеров. Одна из таких команд под руководством генерал-майора Левицкого смогла собрать недалеко от Рязани к концу сентября 1812 г. 6 офицеров и 968 нижних чинов, занимавшихся бродяжничеством и мародерством (Проходцов, 1913: 627). Данное явление продолжалось и позднее.

Так, к 17 октября 1812 г. по дорогам Рязанской губернии было собрано 1 102 нижних чина (Проходцов, 1913: 631). Однако в данном случае речь шла о вынужденном (по хозяйственным причинам) дезертирстве. Многие из бродяжничавших солдат были выписаны недавно из госпиталей, но не получили ни пропитания, ни соответствующего обмундирования, ни денег, чтобы нормально добраться до своих полков.

Сдачи в плен и самовольный уход с поля боя

О точном количестве русских пленных, взятых французами в 1812 г., у нас нет сведений, поскольку многие из них остались во временных лагерях на территории России или погибли при переходах к границе. У французской армии было правило: по возможности, отправлять пленных в глубокий тыл, где и проводился их окончательный учет (Boudon, 2019: 57). Первая волна русских военнопленных пришла на 1799 г., время Швейцарского похода А.В. Суворова (около 7 тыс. человек). Такое огромное для России конца XVIII в. количество сдавшихся в плен на поле боя объяснимо поражением А.В. Суворова в сражении под Цюрихом (Boudon, 2019: 57). К счастью для Русской армии, наиболее сильные части армии еще революционной Франции во главе с Наполеоном Бонапартом находились в Египте. Но в конце 1805 г. Наполеон I показал свой полководческий талант под Аустерлицем. Одним из результатов этого и сопутствовавшего ему сражений стал захват 13 787 русских офицеров и нижних чинов в плен (Boudon, 2019: 57). В ноябре 1813 г. во Франции и присоединенных к ней территориях были учтены 8 627 русских военнопленных (Boudon, 2019: 59). Сомнительно, что большинство из них попали в плен в 1812 г., принимая во внимание, что в ноябре 1812 г. французские военные власти отмечали, что на их территории находились только около 180 русских военнопленных (Boudon, 2019: 59). Однако связано это было, очевидно, со сложностями этапирования из России. Другая проблема – выживаемость русских пленных до их попадания на территорию Франции.

Конвоирование и содержание русских военнопленных на территории России было для французов непростым вопросом, так как известно, что к середине октября 1812 г., по данным Военного министерства, в расположении российских войск оказалось 1 230 нижних чинов, «вышедших из плена» (Отечественная война 1812 года. Т. 21. 1914: 297). Формулировка «вышедший из плена» достаточно расплывчата. Из другого документа становится известно, что это были собранные в Твери бежавшие из плена российские военнослужащие (Отечественная война 1812 года. Т. 19. 1912: 295). Здесь указана цифра 1 280 человек, то есть это те русские военнопленные, которые, судя по всему, находились ранее в тылу северного фланга отступавшей армии Наполеона. Документ датирован 6 октября (выписка из донесения М.И. Кутузова императору Александру I), из чего следует, что побег эти бывшие пленные совершали не позднее 3 октября.

В связи с конвоированием и отправкой русских военнопленных в западные губернии в сентябре 1812 г. есть интересное документальное свидетельство, что, по данным русской разведки, колонна в 3 тыс. российских военнопленных была этапирована в Смоленск через Можайск (данные были переданы в соответствующем рапорте 22 сентября 1812 г.). Их сопровождала команда в 300 солдат при двух орудиях (Отечественная война 1812 года. Т. 18, 1911: 5). Колонна русских пленных достаточно многочисленна, и это не бывшие раненые, захваченные французами в московских госпиталях, большинство из них не могло к тому времени выздороветь.

В боевом календаре Русской армии 1812 года (был составлен уже спустя сто лет после описанных событий российскими военными историками по фондам армейского архива в Лефортово) отражены сдачи в плен русских солдат и офицеров уже в приграничных сражениях. В одном из приводимых в данном сборнике донесений читаем: 26 июня 1812 г. 1-й пехотный корпус генерал-майора Кульнева отправил разъезд в районе местечка Жеймы в составе трех унтер-офицеров и 32 драгун (все из Ямбургского драгунского полка). Этот отряд наткнулся на превосходящие силы французской кавалерии и после боя сдался в полном составе в плен (отмечается, что все были перед этим ранены). Это были, как считается, первые русские кровавые потери в Отечественной войне 1812 года (Никольский, 1913: 58).

Часто пленные во всех войнах попадают в разряд пропавших без вести. В большом арьергардном бою под Ошмянами (29 июня 1812 г.) русские войска потеряли 31 человека пропавшими без вести, но при этом убиты были 13 человек (Никольский, 1913: 68). Это был один из арьергардных приграничных боев, когда со стороны французов действовали в основном кавалерийские немногочисленные части, а главные силы Великой армии только подтягивались к Вильно и Гродно.

В тот же день, 29 июня, французы внезапно ворвались в город Паневежис, где застали пришедшую с марша 27-ю инвалидную роту. Почти все это подразделение было взято в плен, и в августе 1813 г. 20 выживших инвалидов вышли к русским войскам (Никольский, 1913: 69) (уже на территориях Польши или Германии). Разумеется, в плен сдавались и французы, и их союзники. Например, в сражении у фольварка Повьвиорки к русским кавалеристам в плен сдалось более 100 чинов Великой армии (Никольский, 1913: 70). Однако тогда происходили в основном бои с участием российской кавалерии, которая была лучше морально подготовлена. Но еще важнее, что русские кавалерийские части были лучше организованы, находясь под командованием опытных и

хорошо обученных командиров. Иную картину представляют собой бои с участием обычных армейских пехотных частей, ярким примером чему служит бой за Могилев (20 июля 1812 г.). Французы оказались у стен этого города внезапно, несмотря на то что было хорошо известно, что они наступают в данном направлении. В Могилеве находились разрозненные отдельные части, в основном запасные батальоны. Город был сдан вместе с собранными крупными складами провианта (Никольский, 1913: 114). При этом в городе с разными поручениями находились более 150 офицеров и нижних чинов, все они не успели за отступавшим гарнизонным батальоном и пропали без вести (Никольский, 1913: 115) (это официальная версия, но, вероятнее всего, многие из них попали в плен). Судя по описанию боя, Могилев не был подготовлен к обороне, упомянуты только две крепостные пушки, которые при отступлении применял гарнизон.

С Могилевым связана попытка прорваться через расположение корпуса Даву 2-й армии Багратиона, для чего последний приказал 7-му корпусу Раевского атаковать Даву в районе Новоселок, Салтыковки и Фатовой. Русские проиграли это сражение 23 июля 1812 г. Пропавшими без вести в нем считались 319 офицеров и нижних чинов, тогда как были убиты 565 и ранены 585 (Никольский, 1913: 134). В одном документе «Наполеон маршалу Бертье для маршала Удино» упоминается взятие в плен в сражении при Красном 1 500 русских (Correspondance de Napoléon Ier, 2013: 159). Официальные точные данные о потерях всех частей, участвовавших 14 августа 1812 г. в сражении под Красным, отсутствуют. Но в реляциях командовавшего там русскими войсками генерал-майора Д.П. Неверовского фигурирует цифра общих потерь, включая и убитых, 1 500 человек (Никольский, 1913: 273). По отдельным полкам имеется детальная роспись потерь, судя по которой мы можем сказать, что Наполеон I оказался близок к истине, назвав цифру сдавшихся в плен русских – 1 500 человек: 49-й егерский полк пропавшими без вести потерял 169 человек (под пропавшими без вести обычно имелись в виду пленные), в 50-м егерском полку 175 человек пропали без вести (Никольский, 1913: 281) (под Красным в дивизии Неверовского было больше двух полков). Из другого документального свидетельства следует, что в ходе отступления от Красного к Смоленску дивизия Д.П. Неверовского потеряла примерно 2 тыс. человек пленными (Fabry, 1903: 286). Не доверять этим данным у нас нет оснований, так как сражение под Красным было действительно очень тяжелым, и русские части расходовали много боеприпасов, а также потеряли большую часть конной артиллерии. С подвозом боеприпасов были, разумеется, сложности, так как часть сил Неверовского долгое время сражалась в окружении превосходящих сил противника.

Уже через два дня после сражения под Красным французы оказались у стен Смоленска. Сражение за Смоленск длилось до 19 августа 1812 г. Наполеон Бонапарт писал относительно русских потерь в Смоленске как о 4 тыс. убитых и 10-12 тыс. раненых, о пленных он не упоминает (Correspondance de Napoléon Ier, 2013: 159) (впрочем, в своих письмах он об этом редко пишет). По российским данным, только рядовых в Смоленском сражении и в процессе отступления из города (7 августа 1812 г.) пропало без вести 3 831 человек и 3 045 солдат погибли (Никольский, 1913: 367). Если большинство пропавших без вести – это все-таки пленные, то, соответственно, сдались примерно столько же, сколько и погибли. Очевидно, большая часть русских солдат попала в плен в Смоленске и в его окрестностях при отступлении, будучи ранеными, поэтому Наполеон Бонапарт, скорее всего, и учел их как раненых.

9 сентября 1812 г. Наполеон I упоминал в письме в Вену своему союзнику императору Франциску I о большом количестве русских пленных, захваченных в сражении при Бородине, но точная цифра не указана (Correspondance de Napoléon Ier, 2013: 207). В тот же день, 9 сентября, французы занимают Можайск и обнаруживают там приблизительно 10 тыс. русских раненых (данные из Календаря Наполеона), оставленных при отступлении М.И. Кутузовым (Календарь Наполеона..., 1912: 52). О том, сколько попало в плен русских солдат и офицеров при Бородине, российские источники того времени умалчивали, они «скрываются» под графой «пропавшие без вести» (но большинство пропавших без вести фактически погибли).

Как определил С.В. Львов по документам, 1-я Западная армия потеряла только рядовых убитыми 4 678 человек, но пропавшими без вести – 4 610 рядовых. По 2-й Западной армии несколько иное соотношение погибших и пропавших без вести рядовых: 3 858 чел. против 5 225 чел. (Львов, 2003: 65). В случае 2-й Западной армии такое соотношение потерь нетипично для летнего периода кампании 1812 г. Этой армией командовал князь П.И. Багратион, который погиб, когда поднимал своих солдат в очередную контратаку.

Судя по рапорту командующего 1-й армии генерала М.Б. Баркляя-де-Толли о действиях вверенных ему войск в Бородинском сражении, к полудню 2-я армия П.И. Багратиона (к тому моменту он был тяжело ранен) была разбита, в результате чего левый фланг всех русских сил был смят, укрепления 2-й армии французы взяли и стали развивать наступление под сильным артиллерийским прикрытием на курган, который защищала 26-я дивизия той же 2-й армии (Афанасьев, 1912: 17-18) (Курганная батарея, или батарея Раевского). Положение спас начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов, который с Третьим батальоном Уфимского полка остановил толпы бегущих чинов 26-й дивизии и, создав из их состава колонну, ударил на французов в штыки (Афанасьев, 1912: 18). Курганную батарею вскоре удалось отбить (правда, при помощи других полков 1-й Западной армии), но временно. О самовольном отступлении русской пехоты у батареи

Раевского А.П. Ермолов в своем рапорте пишет следующее: «Проезжая центр армии, я увидел укрепленную высоту, на коей стояла батарея из 18-ти орудий, составлявшая правое 2-й армии крыло, в руках неприятеля, в больших уже силах на ней гнездившегося. Батареи неприятеля господствовали уже окрестностью сея высоты и с обеих ее сторон спешил и колонны распространить приобретенные им успехи. Стрелки наши во многих толпах не только без устройства, но уже и без обороны бежавшие, приведенные в совершенное замешательство и отступающие не стройно 18-й, 19-й и 40-й егерские полки и дали неприятелю утвердиться. Высота сия, повелевавшая всем пространством, на коем и устроены были обе армии, 18 орудий доставшихся неприятелю было и слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать возвратить сделанную потерю» (Афанасьев, 1912: 21-22).

Уже после кампании 1812 г. в своих знаменитых записках А.П. Ермолов писал несколько другое об этом эпизоде: «Между тем генерал Тучков, видя совершенное расстройство 2-й армии, потерявшей главного и важнейших частных начальников, и что невозможно рассчитывать на твердое сопротивление раздробленных частей ее, велел III корпусу немедленно войти в бой; занял конечность левого крыла армии 1-ю гренадерскою дивизией и успел стать на Можайской старой почтовой дороге, где близ селения Утицы находились уже польские войска, предвидимые князем Понятовским» (Ермолов, 1863: 82). То есть 2-я Западная армия, со слов А.П. Ермолова, пришла в расстройство на начальном этапе Бородинского сражения, еще не понесла столь существенных потерь, за исключением 2-й сводно-гренадерской дивизии. Командный состав 2-й Западной армии понес к тому времени ощутимые потери, но оставались командиры полков и батальонов, а также ряд командиров дивизий. Командир 8-го пехотного корпуса, М.М. Бороздин оставался в строю, ему пришлось лично вести три полка в контратаку на Семеновские флеши.

Есть сведения, приводимые в вышедшей в 1839 г. в Москве краткой книге авторства штабного поручика Н.Д. Неелова (он указан при этом в качестве составителя текста книги). Эта работа была странной сразу с двух точек зрения: ее написал офицер невысокого чина и, несмотря на смелость сделанных в этой работе замечаний о действиях русских войск, книга прошла цензуру при режиме Николая I в 1839 г., а в этом году Бородинское сражение отмечалось особо громко. Курганная батарея названа Нееловым люнетом. Описание боя за это место мало отличается от других, но при этом указано, что Курганная батарея была взята генералом Бонами силами одной бригады против находившихся под командованием Паскевича 1-го и 2-го батальонов Полтавского пехотного полка, а также Ладожского, Нижегородского и Орловского полков. В резерве за батареей стояли 18-й, 19-й и 40-й егерские полки (Неелов, 1839: 57) (то есть целая дивизия). Непосредственно люнет взял 30-й линейный пехотный полк из бригады Бонами, несмотря на сильный картечный и ружейный огонь со стороны русских. Этот полк был вскоре выбит из люнета А.П. Ермоловым, которому пришли на помощь крупные силы Русской армии (Неелов, 1839: 58). То есть солдаты Бонами сражались, серьезно численно уступая противнику, а не наоборот.

А.П. Ермолов в других частях своего рапорта пишет о высоком моральном духе русских солдат и офицеров. Это делают и другие генералы, включая и М.И. Кутузова. Известно, что фактически разбитую 26-ю дивизию сменила 24-я дивизия (сибиряки) генерал-майора П.Г. Лихачева, который при второй атаке французов на Курганную батарею был ранен и взят в плен. Это означало, что 24-я дивизия понесла большие потери (фактически была разбита).

А.П. Ермолов пишет о поражении 24-й дивизии кратко, указывая, что она была атакована многочисленными силами французов. В монографии Н.Ф. Гарнича указано, что весь 6-й корпус Дохтурова, состоявший из 7-й и 24-й пехотных дивизий, насчитывал 9 900 чел. (Гарнич, 1956: 103), то есть под командованием П.Г. Лихачева было не более 4 500 чел.

Главная роль во второй атаке Курганной батареи была отведена 2-му кавалерийскому корпусу под командованием генерала Коленкура (Монбрен к тому времени погиб), который должен был зайти в тыл батареи, прорвавшись через ряды дивизии Лихачева при поддержке справа 4-го кавалерийского корпуса Латур-Мобура (3 600 человек) (Гарнич, 1956: 103). Но этот корпус насчитывал немногим менее 4 тыс. чел. Левый фланг Лихачева прикрывала пехотная бригада де Росси, сразу за которой стоял 3-й кавалерийский корпус Кройца (3 700 человек) (Гарнич, 1956: 104). За Корфом находились Семеновский и Преображенский полки. В центре 24-ю дивизию прикрывал 4-й пехотный корпус Остермана (9 500 человек) (Гарнич, 1956: 104), и за спиной Остермана стоял 2-й кавалерийский корпус Корфа (3 500 человек) (Гарнич, 1956: 104), справа от Остермана находилась 7-я пехотная дивизия (ее атаковали несколько эскадронов 3-й легкой кавалерийской дивизии) (Nafziger, 1988: 307). За спиной Корфа находились два кавалерийских полка (Жилин, 1987: 190) (последний резерв). Эскадроны 2-го и 4-го французских кавалерийских корпусов смогли прорваться даже до позиций генерала Корфа, оставив Курганную батарею позади, для ее штурма 2-й корпус выделил часть своих сил (Жилин, 1987: 190). Задачей этих корпусов было не столько овладение самой батареей Раевского, сколько сковывание и дезорганизация стоявших за ней русских частей, которые численно почти в три раза превосходили атаковавших их кавалеристов Коленкура и Латур-Мобура.

Непосредственно редут первый раз атаковала 2-я кирасирская дивизия, которая была быстро расстроена огнем русской пехоты, тогда же погибает командующий 2-го кавалерийского корпуса генерал Коленкур. Понимая всю сложность ситуации, Латур-Мобур поворачивает основные силы

своего 4-го корпуса на лонет (Nafziger, 1988: 308) (7-я кирасирская дивизия и легкая польская кавалерия Розника). 33-й егерский, Пермский и Кегсгольмский полки останавливают этих кавалеристов мощным огнем, но саксонским гвардейцам генерала Тилеманна (Thielemann) удалось прорваться на батарею (за его саксонцами устремился 9-й линейный полк), и это предопределило исход боя в пользу Великой армии.

Непосредственно в лоб дивизию Лихачева атаковали дивизии Морана и Жерара из 1-го корпуса Даву, а также дивизия Брюсье из 4-го корпуса (Итальянская гвардия). Но 1-я дивизия Морана понесла большие потери уже во время первой атаки на батарею Раевского, и к моменту начала Бородинского сражения вся эта дивизия насчитывала около 4 тыс. человек, так как она понесла большие потери в предыдущих боях, особенно в районе Шевардинского редута (Моран, 2013). После почти полной гибели бригады генерала Бонами (он попал в плен) в результате знаменитой контратаки А.П. Ермолова Моран мог повести на второй штурм Курганной батареи едва ли 2 тыс. человек. Судя по описанию боя за батарею Раевского, приведенную у Г. Нафцигера в основном по французским документам, силы 1-го корпуса Даву не принимали значительного участия в штурме, в итоге этот бой превратился в противоборство преимущественно кавалерий двух сторон (Nafziger, 1988: 308). Левее батареи Раевского действовал кавалерийский корпус Груши против трех полков 24-й дивизии и целой 7-й дивизии, этот корпус насчитывал менее 3 тыс. человек (Гарнич, 1956: 103). Вскоре против Груши на выручку 7-й дивизии Барклай-де-Толли бросил Изюмский гусарский и Польский уланский полки. Однако уже понесшие потери кирасиры Груши отразили атаку этих двух свежих русских полков. Тогда в бой вступили два гвардейских кавалерийских полка (бригада генерала И.Е. Шевича), которые исправили положение. Но здесь мы видим, что русские части превосходили корпус Груши численно. Однако, по Г. Нафцигеру, 7-ю дивизию атаковали непосредственно части 5-го корпуса Понятовского, а конкретнее – карабинеры, которые разбили 19-й егерский полк и взяли позиции 2-й гвардейской конной кавалерийской батареи (Nafziger, 1988: 309) (бой у деревни Князьково). И в данном случае создать большое численное превосходство над 7-й пехотной дивизией и 4-мя кавалерийскими полками войска Наполеона I не могли. Но массовое самовольное оставление боевых позиций с русской стороны у д. Князьково, судя по всему, имело место. Этому есть объяснение. Например, 11-й Изюмский гусарский полк не выдержал боя с французскими кирасирами и польскими уланами, потому что перед этим понес большие потери, гусары целый час стояли под артиллерийским обстрелом рядом с 4-м пехотным корпусом Остермана (Соколовский, 1912: 23) (до этого они приняли активное участие в сражении за Шевардинский редут). Только убитыми в Бородинском сражении Изюмский полк потерял 120 человек (Соколовский, 1912: 25).

Военный историк Е.П. Гурьев несколько по-другому описывает действия бригады И.Е. Шевича: часть второго резервного кавалерийского корпуса под командованием генерала П. Ватье прорвалась между батареей Раевского и флешами, создав угрозу прорыва центра всей Русской армии, в связи с чем М.Б. Барклай де Толли бросил в бой конную гвардейскую бригаду, сам возглавив ее атаку (Гурьев, 2017). Однако, по П.А. Жилину, части второго французского кавалерийского корпуса прорвались через расположение бригады де Росси, а затем вступили в бой с выдвинутыми против них Семеновским и Преображенским полком (Бюцов, 1912: 12), но это не остановило всех прорвавшихся французских кирасир, часть их прорывается через порядки 4-го пехотного корпуса и налетает на фланг 2-го кавалерийского корпуса, здесь они оказываются рядом с прорывавшимися через порядки 7-й дивизии частями генерала Груши (Жилин, 1987: 190). Пространство между русским 4-м пехотным корпусом и двумя гвардейскими полками, Преображенским и Семеновским, оказалось слишком большим, чтобы последние могли своей контратакой его закрыть, а французские кирасиры атаковали слишком быстро, поэтому, скорее всего, «преображенцы» и «семеновцы» смогли убить и ранить только несколько десятков французских кавалеристов.

Сдержан в оценках эффективности действий 2-й Западной армии был генерал М.Б. Барклай-де-Толли. В описании Бородинского сражения он упоминает, что к полудню 26 августа 1812 г. «2-я армия при отсутствии раненого князя Багратиона и многих генералов была опрокинута и в величайшем расстройстве» (Альтшуллер, 1962: 333), но при этом потери этой армии за все Бородинское сражение были меньше, чем у 1-й Западной армии.

Первый удар на левом фланге Русской армии приняли 27-я дивизия Неверовского и 2-я сводно-гренадерская дивизия М.С. Воронцова. Последняя представляла собой фактически малочисленную батальонную группу, насчитывавшую только 4 тыс. нижних чинов. Их атаковали 4-я и 5-я французские дивизии, имевшие в своем составе 16 400 солдат и офицеров, при поддержке 1-го кавалерийского корпуса (5-6 тысяч сабель) (Васильев, Попов, 2002: 49). Французы устроили мощный артиллерийский налет, применив 102 орудия, это и стало главной причиной трагедии 2-й сводно-гренадерской дивизии (после Бородинского сражения в строю оставались примерно 300 солдат и офицеров этой дивизии).

Основная тяжесть отражения первой атаки легла на 27-ю пехотную дивизию. У Богдановича дана следующая конфигурация расположения русских войск на левом фланге: сами «Багратионовы» флеша занимала утром 26 августа 1812 г. (по старому стилю) дивизия Воронцова, а за ней находилась 27-я пехотная дивизия. В резерве у села Семеновская располагались 2-я гренадерская и

2-я кирасирская дивизии (Богданович, 1859: 151). Их атаковал 3-й пехотный корпус маршала Нея, насчитывавший 10,3 тыс. чел.

Французы своим артиллерийским налетом нанесли большие потери пехоте 2-й сводно-гренадерской дивизии, но разгромить русскую артиллерию у «Багратионовских» флешей не смогли, что стоило им дорого в начале сражения. Остается открытым вопрос: сколько фактически насчитывала 27-я дивизия Неверовского, которая отступила с флешей? Известно, что в Бородинском сражении Одесский полк (№48) потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 283 человека (Попов, 1911: 97), это составило немногим более половины его наличного состава (перед этим полк понес большие потери в бою за Шевардинский редут). Соответственно, только 48-й полк насчитывал перед первой атакой французов на флешу примерно 520 человек.

56-й Житомирский полк (он же Тарнопольский) 27-й дивизии понес также большие потери, но до этого участвовал в бою за Шевардинский редут. Точных данных о его общих потерях нами не выявлено, но установлено, что убитыми «житомирцы» потеряли 560 чел. и 262 чел. ранеными (Шаматов, 1902: 11). С учетом того, что обычно до четверти личного состава пехотные полки в кампанию теряли пропавшими без вести, можно сказать, что 56-й полк насчитывал к моменту начала Бородинского сражения не менее 1 200 солдат и офицеров.

Мы не имеем точных сведений о составе и потерях 52-го Виленского полка из той же дивизии Неверовского, но известно, что этот полк лишился более половины личного состава в бою за Шеварино (345 человек) (Хлопов, 1911: 9), поэтому он насчитывал утром 26-го августа около 300 человек. По потерям 24-го Симбирского полка у Шеварино 413 выбывших или 49 % личного состава полка перед Бородинским сражением (Александров, 1911: 26), то есть в полку осталось около 840 человек. Входящие в состав 27-й дивизии 49-й и 50-й егерские полки насчитывали 1 300-1 400 человек. Таким образом, 27-я дивизия имела в своем составе, по нашим оценкам, около 4 200 человек, не считая артиллерийских рот. Несмотря на такую малую численность, уступая противнику почти в два раза по количеству солдат и офицеров, 2-я сводно-гренадерская и 27-я пехотная дивизии все-таки относительно долго отражали атаки французов. Связано это было отчасти с кустарниками и пролесками, которые осложняли действия французской пехоты (Неелов, 1839: 37). Русская артиллерия на левом фланге не была подавлена, она действовала с заранее подготовленных позиций картечью.

На грани катастрофы вся Русская армия у деревни Бородино оказалась в результате поражения 26-й пехотной дивизии, ее сменила 24-я дивизия из состава 6-го корпуса Д.С. Дохтурова. После Бородинского сражения сложилась популярная версия (на основе рапортов и иных свидетельств участников с русской стороны), что поражение этого корпуса было вызвано большими потерями. Но С.В. Львову уже в постсоветский период по документам корпуса удалось установить, что его общие потери составили 3 882 человека, из них убитыми – 971 человек (Львов, 2004: 257). Перед Бородинским сражением 6-й корпус насчитывал около 12 тыс. офицеров и нижних чинов, то есть корпус потерял почти треть личного состава. При этом корпус сражался на заранее подготовленных, укрепленных позициях, имея 84 полевых орудия. Этому корпусу не повезло в том аспекте, что Бутырский полк находился в арьергарде и в сражении участвовал очень ограниченно, а в Смоленском сражении 6-й корпус лишился многих старослужащих, на смену которым пришли новобранцы.

5. Заключение

В условиях полуфеодальной системы организации Вооруженных сил Российской империи количество далеко не всегда переходило в качество, но проблема заключалась далеко не только в моральном состоянии военнослужащих, которое было достаточно хорошим, но и в подготовке личного состава и руководстве войсками. Например, знаменитая контратака А.П. Ермолова на Курганную батарею произошла спонтанно, во многом благодаря тому, что А.П. Ермолов с совершенно другим заданием оказался в этом месте, то есть, система обороны в центре Русской армии в период Бородинского сражения была недостаточно хорошо организована. Понесшие большие потери в бою за Шевардинский редут полки оказались в первой линии обороны. Французы атаковали часто в меньшинстве или при наличии паритета либо небольшого превосходства, что также указывает на преимущества буржуазной модели комплектования и организации армии.

Недоборы рекрутов, вызванные оппортунистическим поведением многих помещиков, вели к нехватке личного состава в боевых частях при достаточно многочисленном мужском населении России. Но при этом и условия службы были тяжелыми, что также вело к нехватке личного состава из-за больших нестроевых потерь.

Нами установлено, что в Москве в условиях оккупации ее Наполеоном должно было находиться более 3 тыс. русских военнопленных, которые являлись не ранеными на момент пленения. Побег около 1 280 русских военнослужащих из французского плена указывают на достаточно большое количество захваченных российских солдат и офицеров в период от пограничных боев до Бородинского сражения.

Литература

1911 – Отечественная война 1812 года, 1911 – Отечественная война 1812 года: Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений Отечественная война 1812 года. Кн. 18 – Отд. 1.

Материалы Военно-Ученого ком. Гл. Штаба / Изд. Военно-Ученого Ком. Гл. Штаба. Ред. Военно-Ученого Архива Гл. Штаба. С-Петербург: Главное управление Генерального штаба, Типография «Бережливость», 1911. 250 с.

1912 – Отечественная война 1812 года, 1912 – Отечественная война 1812 года: Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений Отечественная война 1812 года. Кн. 19 – Отд. 1. Материалы Военно-Ученого ком. Гл. Штаба / Изд. Военно-Ученого Ком. Гл. Штаба. Ред. Военно-Ученого Архива Гл. Штаба. С-Петербург: Главное управление Генерального штаба, Типография «Бережливость», 1912. 403 с.

1914 – Отечественная война 1812 года, 1914 – Отечественная война 1812 года: Отд. 1: Переписка русских правительственных лиц и учреждений Отечественная война 1812 года. Кн. 21 – Отд. 1. Материалы Военно-Ученого ком. Гл. Штаба/ Изд. Военно-Ученого Ком. Гл. Штаба. Ред. Военно-Ученого Архива Гл. Штаба. С-Петербург: Главное управление Генерального штаба, Типография «Бережливость», 1914. 543 с.

Александров, 1911 – Александров А.П. (сост.). История 24-го пехотного Симбирского полка. 1811–1861: = История двадцать четвертого пехотного Симбирского полка. 1811–1861. Ч. 1. Кременчуг: тип. Диковского, 1911. 359 с.

Альтшуллер, 1962 – Альтшуллер Р.Е. и др. (сост.). Бородино: документы, письма, воспоминания. М.: Издательство Советская Россия, 1962. 413 с.

Афанасьев, 1912 – Афанасьев В. (сост.). Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М.: Издание кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года, 1912. 60 с.

Бабкин, 1969 – Бабкин В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 году / Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX вв. 1969. С. 343-350.

Бескровный, 1973 – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М.: Наука. 1973. 616 с.

Богданович, 1859 – Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. II. СПб.: Тип. Торгового дома С. Струговщика, Г. Похитонова, Н. Водова и Ко. 1859. 588 с.

Бюцов, 1912 – Бюцов Б.Е. Лейб-гвардии Преображенский полк в сражении 26 августа 1812 г. при Бородине. Санкт-Петербург: тип. Сириус, 1912. 39 с.

Васильев, Попов, 2002 – Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 года. Хроника событий. Grande Aumee. Состав армии при Бородино. М.: Рейтар, 2002. 119 с.

Гарнич, 1956 – Гарнич Н.Ф. Отечественная война 1812 г. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 287 с.

Годин, 1963 – Годин В.С. Антикрепостническое восстание ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. / Краеведческие записки гос. архива Пензенской обл. Пенза: Пензенское кн. изд-во. 1963. С. 5-29.

Гурьев, 2017 – Гурьев Е.П. Переход количественных признаков патриотизма в качественные на историческом уровне // Наука, общество, оборона. 2017. №4 (13). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2017-4-13/article-0126/> (дата обращения: 01.09.2024).

Ермолов, 1863 – Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова о войне 1812 года. Londres, Bruxelles: S. Tchorzewski; S. Gerstmann, 1863. 220 с.

Земсков, 2018 – Земсков В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, Яуза, 2018. 658 с.

Жилин, 1987 – Жилин П.А. (отв. ред.). Бородино. 1812. М.: "Мысль", 1987. 383 с.

Календарь Наполеона..., 1912 – Календарь Наполеона 1812 г. = 1812 год. Мемуары современников и очевидцев, Календарь Наполеона тысяча восемьсот двенадцатого года, Двенадцатый год. М.: Образование, 1912. 151 с.

Корнилов, 2008 – Корнилов В.А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Исторические науки. 2008. N. 1 (22). С. 8-24.

Кудряшов, 1992 – Кудряшов И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 г. // Старый барабаник. 1992. № 1. С. 20-27.

Львов, 2003 – Львов С.В. О потерях Российской армии в сражении при Бородино 24 – 26 августа 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. 2003. С. 52-66.

Львов, 2004 – Львов С.В. Потери 6-го пехотного корпуса при Бородино: к дискуссии о численности и потерях Российской армии в Бородинском сражении / Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. 2004. С. 238-257.

Моран, 2013 – Моран Шарль-Антуан-Луи-Алексис. Рапорт генерала Морана о сражении при Москве-реке, 5 – 7 сентября 1812 г. Вступ. ст., публ. и коммент. Горшков Дмитрий Игоревич // Вестник архивиста. 2013. № 2 (122). С. 206-231.

Неелов, 1839 – Неелов Н.Д. (сост.). Опыт описания Бородинского сражения. Москва: Типография Н. Степанова. 1839. 135 с.

Никольский, 1913 – Никольский В.П. (ред.). Труды Московского отдела императорского Русского военно-исторического общества. Т. IV. Материалы по Отечественной войне. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Часть I. Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 678 с.

- [Попов, 1911](#) – *Попов Ф.Г.* (сост.). История 48 Пехотного Одесского полка. Т. 1-2. Т. 1. 2 т. М.: тип. Рус. т-ва, 1911. 114 с.
- [Проходцов, 1913](#) – *Проходцов И.И.* Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны: материалы для истории Отечественной войны. Ч. 1-я. Рязань: Рязанская губернская ученая архивная комиссия, 1913. 636 с.
- [Семевский, 1912](#) – *Семевский В.И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войной / *Дживелегов А.К.* и др. (ред.). Отечественная война и русское общество. Юбилейное издания. Т. V. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина. 1912. С. 74-113.
- [Соколовский, 1912](#) – *Соколовский М.К.* Памятка 11-го Гусарского Изюмского, его королевского высочества принца Генриха Прусского полка / = Памятка Одиннадцатого Гусарского Изюмского, его королевского высочества принца Генриха Прусского полка, Славное прошлое изюмских гусар / Сост. М.К. Соколовским и кн. А.С. Эрстовым. Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1912. 46 с.
- [Троицкий, 2007](#) – *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. 560 с.
- [Хлопов, 1911](#) – *Хлопов М.Д.* 52-й Пехотный Виленский... полк: = Пятьдесят второй Пехотный Виленский полк. Боевая жизнь и деятельность Полка за сто лет. 1811-1911. Феодосия: тип. Натковича и Виниковича, 1911. 61 с.
- [Шаматов, 1902](#) – *Шаматов Г.М.* (сост.). Краткая боевая хроника 56-го пехотного Житомирского его имп. выс. вел. кн. Николая Николаевича полка (1811-1902 гг.) / = Краткая боевая хроника пятьдесят шестого пехотного Житомирского его имп. выс. вел. кн. Николая Николаевича полка (1811-1902 гг.). Бендеры: тип. Е. Натензон-Постан, 1902. 51 с.
- [Boudon, 2019](#) – *Boudon J.-O.* Les prisonniers russes en France en 1814 / Les Russes en France en 1814, édité par Marie-Pierre Rey, Éditions de la Sorbonne. 2019. Pp. 57-68.
- [Drevillon, 2013](#) – *Drevillon H.* L'individu et la Guerre, Du chevalier Bayard au soldat inconnu. Paris: Belin, 2013. 320 p.
- [Correspondance de Napoléon, 2013](#) – Correspondance de Napoléon Ier. Т. 24. Paris: Hachette Livre BNF, 2013. 668 p.
- [Fabry, 1903](#) – *Fabry G.* Campagne de Russie (1812). Т. 4. Paris: R. Chapelot. 1903. 488 p.
- [Houdaille, 1972](#) – *Houdaille J.* «Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules» // *Population*. 1972. Vol. 27. No. 1. Pp. 27-50.
- [Nafziger, 1988](#) – *Nafziger G.* Napoleon's invasion of Russia. New-York: Ballantine books. 1988. 650 p.
- [Nawrot, 2013](#) – *Nawrot D.* Udział wojska litewskiego w kampanii 1812 roku // *History Notebooks*. 2013. Is. 140 (1), pp. 45-63.

References

- [1911 – Otechestvennaya voina 1812 goda, 1911](#) – Otechestvennaya voina 1812 goda: Otd. 1: Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdenii Otechestvennaya voina 1812 goda [The Patriotic War of 1812: Section 1: Correspondence of Russian government officials and institutions The Patriotic War of 1812]. Kn. 18 – Otd. 1. Materialy Voенno-Uchenago kom. Gl. Shtaba. Izd. Voенno-Uchenago Kom. Gl. Shtaba. Red. Voенno-Uchenago Arkhiva Gl. Shtaba. S-Peterburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, Tipografiya «Berezhlivost'», 1911. 250 p. [in Russian]
- [1912 – Otechestvennaya voina 1812 goda, 1912](#) – Otechestvennaya voina 1812 goda: Otd. 1: Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdenii Otechestvennaya voina 1812 goda [The Patriotic War of 1812: Section 1: Correspondence of Russian government officials and institutions The Patriotic War of 1812]. Kn. 19 – Otd. 1. Materialy Voенno-Uchenago kom. Gl. Shtaba. Izd. Voенno-Uchenago Kom. Gl. Shtaba. Red. Voенno-Uchenago Arkhiva Gl. Shtaba. S-Peterburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, Tipografiya «Berezhlivost'», 1912. 403 p. [in Russian]
- [1914 – Otechestvennaya voina 1812 goda, 1914](#) – Otechestvennaya voina 1812 goda : Otd. 1: Perepiska russkikh pravitel'stvennykh lits i uchrezhdenii Otechestvennaya voina 1812 goda [The Patriotic War of 1812: Section 1: Correspondence of Russian government officials and institutions The Patriotic War of 1812]. Kn. 21 – Otd. 1. Materialy Voенno-Uchenago kom. Gl. Shtaba. Izd. Voенno-Uchenago Kom. Gl. Shtaba. Red. Voенno-Uchenago Arkhiva Gl. Shtaba. S-Peterburg: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, Tipografiya «Berezhlivost'», 1914. 543 p. [in Russian]
- [Afanas'ev, 1912](#) – *Afanas'ev, V.* (sost.). (1912). Podlinnye dokumenty o Borodinskom srazhenii 26 avgusta 1812 goda [Authentic documents about the Battle of Borodino on August 26, 1812]. М.: Izdanie kruzhka revnitatelei pamyati Otechestvennoi voiny 1812 goda, 60 p. [in Russian]
- [Aleksandrov, 1911](#) – *Aleksandrov, A.P.* (sost.). (1911). Istoriya 24-go pekhotnogo Simbirskogo polka. 1811–1861: = Istoriya dvadtsat' chetvertogo pekhotnogo Simbirskogo polka. 1811–1861 [History of the 24th Simbirsk Infantry Regiment. 1811–1861]. Ch. 1. Kremenchug: tip. Dikovskogo, 359 p. [in Russian]
- [Al'tshuller, 1962](#) – *Al'tshuller, R.E.* i dr. (sost.). (1962). Borodino: dokumenty, pis'ma, vospominaniya [Borodino: documents, letters, memoirs]. М.: Izdatel'stvo Sovetskaya Rossiya, 413 p. [in Russian]
- [Babkin, 1969](#) – *Babkin, V.I.* (1969). Novye materialy o klassovoi bor'be krest'yan v 1812 godu [New materials on the class struggle of peasants in 1812]. Voprosy voennoi istorii Rossii XVIII i pervoi poloviny XIX vv. Pp. 343-350. [in Russian]

- Beskrovnyi, 1973** – *Beskrovnyi, L.G.* (1973). Russkaya armiya i flot v XIX v. [Russian army and navy in the 19th century]. M.: Nauka. 616 p. [in Russian]
- Bogdanovich, 1859** – *Bogdanovich, M.I.* (1859). Istoriya Otechestvennoi voiny 1812 g. [History of the Patriotic War of 1812]. T. II. SPb.: Tip. Torgovogo doma S. Strugovshchika, G. Pokhitonova, N. Vodova i Ko. 588 p. [in Russian]
- Boudon, 2019** – *Boudon, J.-O.* (2019). Les prisonniers russes en France en 1814. Les Russes en France en 1814, édité par Marie-Pierre Rey, Éditions de la Sorbonne. Pp. 57-68.
- Byutsov, 1912** – *Byutsov, B.E.* (1912). Leib-gvardii Preobrazhenskii polk v srazhenii 26 avgusta 1812 g. pri Borodine [Life guards Preobrazhensky regiment in the battle of August 26, 1812 at Borodino]. Sankt-Peterburg: tip. Sirius, 39 p. [in Russian]
- Correspondance de Napoléon, 2013** – Correspondance de Napoléon Ier. T. 24. Paris: Hachette Livre BNF, 2013. 668 p.
- Drevillon, 2013** – *Drevillon, H.* (2013). L'individu et la Guerre, Du chevalier Bayard au soldat inconnu. Paris: Belin, 320 p.
- Ermolov, 1863** – *Ermolov, A.P.* (1863). Zapiski Alekseya Petrovicha Ermolova o voine 1812 goda [Notes of Alexei Petrovich Ermolov on the war of 1812]. Londres, Bruxelles: S. Tchorzewski; S. Gerstmann, 220 p. [in Russian]
- Fabry, 1903** – *Fabry G.* Campagne de Russie (1812). T. 4. Paris: R. Chapelot. 1903. 488 p.
- Garnich, 1956** – *Garnich, N.F.* (1956). Otechestvennaya voina 1812 g. [Patriotic War of 1812]. M.: Goskul'tprosvetizdat. 287 p. [in Russian]
- Godin, 1963** – *Godin, V.S.* (1963). Antikrepostnicheskoe vosstanie ratnikov Penzenskogo opolcheniya v dekabre 1812 g. [Anti-serfdom uprising of the Penza militia warriors in December 1812]. Kraevedcheskie zapiski gos. arkhiva Penzenskoi obl. Penza: Penzenskoe kn. izd-vo. Pp. 5-29. [in Russian]
- Gur'ev, 2017** – *Gur'ev, E.P.* (2017). Perekhod kolichestvennykh priznakov patriotizma v kachestvennye na istoricheskom urovne [Transition of quantitative features of patriotism to qualitative ones at the historical level]. *Nauka, obshchestvo, oborona*. 4(13). [Electronic resource]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2017-4-13/article-0126/> (date of access: 01.09.2024). [in Russian]
- Houdaille, 1972** – *Houdaille, J.* (1972). « Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules ». *Population*. 27(1): 27-50.
- Kalendar' Napoleona..., 1912** – Kalendar' Napoleona 1812 g. = 1812 god. Memuary sovremennikov i ochevidtsev, Kalendar' Napoleona tsysyacha vosem'sot dvenadtsatogo goda, Dvenadtsatyi god [Napoleon's Calendar 1812]. M.: Obrazovanie, 1912. 151 p. [in Russian]
- Khlopov, 1911** – *Khlopov, M.D.* (1911). 52-i Pekhotnyi Vilenskii... polk: = Pyat'desyat vtoroi Pekhotnyi Vilenskii polk. Boevaya zhizn' i deyatelnost' Polka za sto let. [52nd Vilnius Infantry... Regiment]. 1811–1911. Feodosiya: tip. Natkovicha i Vinikovicha, 61 p. [in Russian]
- Kornilov, 2008** – *Kornilov, V.A.* (2008). Rekrutskaya povinnost' i vnutrennee sostoyanie russkoi armii v pervoi polovine XIX veka [Recruitment and the internal state of the Russian army in the first half of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki*. 1(22): 8-24. [in Russian]
- Kudryashov, 1992** – *Kudryashov, I.Yu.* (1992). Vooruzhennyye sily Litovskogo knyazhestva 1812 g. [Armed Forces of the Grand Duchy of Lithuania in 1812]. *Staryi barabanshchik*. 1: 20-27. [in Russian]
- L'vov, 2003** – *L'vov, S.V.* (2003). O poteryakh Rossiiskoi armii v srazhenii pri Borodino 24 – 26 avgusta 1812 goda [On the losses of the Russian army in the battle of Borodino on August 24-26, 1812]. Epokha napoleonovskikh voyn: lyudi, sobytiya, idei. Pp. 52-66. [in Russian]
- L'vov, 2004** – *L'vov, S.V.* (2004). Poteri 6-go pekhotnogo korpusa pri Borodino: k diskussii o chislennosti i poteryakh Rossiiskoi armii v Borodinskom srazhenii [Losses of the 6th Infantry Corps at Borodino: towards a discussion of the size and losses of the Russian army in the battle of Borodino]. Epokha napoleonovskikh voyn: lyudi, sobytiya, idei. Pp. 238-257. [in Russian]
- Moran, 2013** – *Moran, Sharl'-Antuan-Lui-Aleksis* (2013). Raport generala Morana o srazhenii pri Mosve-reke, 5 – 7 sentyabrya 1812 g. Vstup. st., publ. i komment. Gorshkov Dmitrii Igorevich [General Moran's report on the battle of the Moscow River, September 5–7, 1812]. *Vestnik arkhivista*. 2(122): 206-231. [in Russian]
- Nafziger, 1988** – *Nafziger, G.* (1988). Napoleon's invasion of Russia. New-York: Ballantine books. 650 p.
- Nawrot, 2013** – *Nawrot, D.* (2013). Udział wojska litewskiego w kampanii 1812 roku. *History Notebooks*. 140(1): 45-63.
- Neelov, 1839** – *Neelov, N.D.* (sost.) (1839). Opyt opisaniya Borodinskogo srazheniya [Experience of describing the Battle of Borodino]. Moskva: Tipografiya N. Stepanova. 135 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 1913** – *Nikol'skii, V.P.* (1913). (red.). Trudy Moskovskogo otdela imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva [Works of the Moscow Department of the Imperial Russian Military Historical Society]. T. IV. Materialy po Otechestvennoi voine. Boevoi kalendar'-ezhednevnik Otechestvennoi voiny 1812 goda. Chast' I. Perechen' boevykh stolknovenii russkikh armii s 4 iyunya po 31 avgusta 1812 goda. M.: Pechatnya A. I. Snegirevoi, 678 p. [in Russian]

- Popov, 1911** – *Popov, F.G.* (sost.). (1911). Istoriya 48 Pekhotnogo Odesskogo polka [History of the 48th Odessa Infantry Regiment]. T. 1-2. T. 1. 2 t. M.: tip. Rus. t-va, 114 p. [in Russian]
- Prokhodtsov, 1913** – *Prokhodtsov, I.I.* (1913). Ryazanskaya guberniya v 1812 godu preimushchestvenno s bytovoï storony: materialy dlya istorii Otechestvennoï voiny [Ryazan province in 1812, mainly from the everyday side: materials for the history of the Patriotic War]. Ch. 1-ya. Ryazan': Ryazanskaya gubernskaya uchenaya arkhivnaya komissiya, 636 p. [in Russian]
- Semevskii, 1912** – *Semevskii, V.I.* (1912). Volneniya krest'yan v 1812 g. i svyazannyya s Otechestvennoï voinoï [Peasant unrest in 1812 and associated with the Patriotic War]. Dzhivelegov A.K. i dr. (red.). Otechestvennaya voïna i russkoe obshchestvo. Yubileinoe izdaniya. T. V. M.: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina. Pp. 74-113. [in Russian]
- Shamatov, 1902** – *Shamatov, G.M.* (sost.). (1902). Kratkaya boevaya khronika 56-go pekhotnogo Zhitomirskogo ego imp. vys. vel. kn. Nikolaya Nikolaevicha polka (1811-1902 gg.) [Brief combat chronicle of the 56th Zhitomir Infantry of His Imperial High Grand Prince Nikolai Nikolaevich Regiment (1811-1902)]. = Kratkaya boevaya khronika pyat'desyat shestogo pekhotnogo Zhitomirskogo ego imp. vys. vel. kn. Nikolaya Nikolaevicha polka (1811-1902 gg.). Bendery: tip. E. Natenzon-Postan, 51 p. [in Russian]
- Sokolovskii, 1912** – *Sokolovskii, M.K.* (1912). Pamyatka 11-go Gusarskogo Izyumskogo, ego korolevskogo vysochestva printsa Genrikha Prusskogo polka = Pamyatka Odinnadtsatogo Gusarskogo Izyumskogo, ego korolevskogo vysochestva printsa Genrikha Prusskogo polka, Slavnoe proshloe izyumskikh gusar [Memo of the 11th Izyum Hussar Regiment, His Royal Highness Prince Henry of Prussia]. Sost. M.K. Sokolovskim i kn. A.S. Eristovym. Sankt-Peterburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 46 p. [in Russian]
- Troitskii, 2007** – *Troitskii, H.A.* (2007). 1812. Velikii god Rossii [1812. The Great Year of Russia]. M.: Omega, 560 p. [in Russian]
- Vasil'ev, Popov, 2002** – *Vasil'ev, A.A., Popov, A.I.* (2002). Voïna 1812 goda. Khronika sobytii. Grande Aumee. Sostav armii pri Borodino [War of 1812. Chronicle of events. Grande Aumée. Composition of the army at Borodino]. M.: Reitar, 119 p. [in Russian]
- Zemskov, 2018** – *Zemskov, V.N.* (2018). Velikaya armiya Napoleona v Borodinskom srazhenii [Napoleon's great army in the battle of Borodino]. M.: Eksmo, Yauza, 658 p. [in Russian]
- Zhilin, 1987** – *Zhilin, P.A.* (otv. red.) (1987). Borodino. 1812. [Borodino. 1812]. M.: "Mysl", 383 p. [in Russian]

Моральное состояние Русской армии в 1812 г. От пограничных сражений до Бородинской битвы

Екатерина Станиславовна Козловская ^a, Алексей Юрьевич Овчаренко ^a, Дмитрий Сергеевич Скнарев ^a, Олег Юрьевич Казенков ^{a, b, *}

^a Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Российская Федерация

^b Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В работе проводится изучение фактов сдачи в плен российских военнослужащих, а также фактов их дезертирства и самовольного оставления поля боя на базе материалов о боевых действиях Отечественной войны 1812 г. за период от пограничных боев до Бородинского сражения. Авторы концентрируют внимание на отдельных сюжетах Бородинского сражения. В работе доказывается, что для российских военных властей начала XIX в. сдачи в плен были неудобной темой, поэтому она слабо отражена в источниках. Однако авторам удалось обнаружить в массиве документальных свидетельств упоминания редких фактов о русских военнопленных у Великой армии Наполеона Бонапарта. Авторы на базе этих свидетельств приходят к выводу о том, что в плен за указанный период были взяты намного больше 3 тыс. российских военных. Авторы также приходят к выводу на базе анализа событий Бородинского сражения о том, что качественно организация и методология ведения боя Русской армией в 1812 г. уступали французской стороне. Авторы связывают это с тем, что Российская империя оставалась в то время полуфеодальным государством. Авторы показывают в работе, что дезертирство не было распространенным в русских губерниях явлением, но при этом отмечают оппортунистическое поведение многих помещиков во время рекрутских наборов.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Бородинское сражение, Наполеоновская Франция, военнопленные.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.kazenkov@gmail.com (О.Ю. Казенков)